

УДК 811.161.1

Андромонова Н.А., Усманова Л.А.*(г. Казань)*ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОБРАЗНЫЕ КОНСТАНТЫ И ИХ
ДИСКУРСИВНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОРРЕЛЯТЫ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы валентности слова и его ассоциативных возможностей в пространстве художественного дискурса, выявляются авторские приоритеты в образном осмыслении природной лексики и характеризуется лексико-семантическая сочетаемость лексем со значением «атмосферные осадки». Отмечается, что синтагматические и ассоциативные отношения исследуемых лексем основываются на их двойственном содержании: вещественном и событийном. Наблюдения показывают, что образная семантика данных слов развивается по линии персонификации и тенденции к опредмечиванию, расширяясь и обогащаясь в соответствии с авторским замыслом и текстовой системностью.

Ключевые слова: языковая картина мира, этнокультурное сознание, семантика, дискурсивная синтагматика, семантическая валентность, ассоциативные связи.

N. Andramonova, L. Usmanova*(Kazan)*ETHNOCULTURAL IMAGE CONSTANTS AND THEIR DISCOURSE
LITERARY CORRELATES

Abstract. The present article considers the problems of word valence and its associative abilities in the space of literary discourse. The author's priorities in figurative apprehension of natural lexis are revealed, as well as lexical and semantic combinability of lexical items with the meaning of "atmosphere precipitation". It is noted that syntagmatic and associative relations of the lexemes under study are based on their dual content: real and event-driven. Observations show that the figurative semantics of these words is being developed through the personification and the trend towards the objectification. Besides, such semantics is expanding and is being enriched in accordance with the author's intention and text systemacy.

Key words: linguistic world-image, ethnocultural consciousness, semantics, discourse syntagmatics, semantic valence, associative links.

Этнокультурные скрипты социумов, метафорическая и мифологическая картина мира, встроенная в их языки, на уровне функционирования

и личностного осмысления получают семантические приращения и наносмыслы, что наиболее представлено в пространстве художественного дискурса как нарративного, так и особенно поэтического. В связи с этим целью данной статьи является характеристика образной системы природной лексики, а именно отдельной лексико-семантической группы слов со значением «атмосферные осадки», ее представления в лексикографических источниках и реализация в текстах произведений И.А. Бунина как общепризнанного мастера художественного слова.

Постановка данной проблемы диктуется, с одной стороны значимостью идей, связанных с экстралингвистическими и интралингвистическими факторами функционирования и развития языков, выдвинутых представителями Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэн де Куртене, Н.В. Крушевский [1]), а с другой стороны – приоритетностью осмысления этого явления в языках и их дискурсивных реализациях, ориентацией не только на языковые константы, но и на речевое воплощение семантических, функциональных и этнокультурных аспектов. При рассмотрении текстовой (дискурсивной) сочетаемости мы опираемся на положения А.Ф. Лосева о «бесконечной семантической валентности языкового знака» [8], на мысли Н.Д. Арутюновой об образной сочетаемости [2], на разработки отечественных и зарубежных лингвистов по проблемам языковой и художественной метафоры [9; 15–21 и др.], на лексикографические данные (толковые, этимологические словари русского языка, словари символов [12], Словарь поэтических образов [10], Словарь языка поэзии XVIII–XX вв. [7] и др.).

Обращение к лучшим образцам русской художественной литературы сегодня, в период засилья массовой поп-культуры и формирования телевизионно-интернетного поколения людей, является необходимым условием для реализации огромных потенциальных образовательно-воспитательных возможностей русского языка. Для приобщения через язык к знаниям о мире, открытия иных измерений человеческого бытия и, наконец, пробуждения духовной энергии и мыслительной деятельности. Высшие достижения словесного искусства актуальны во все времена, эти произведения не утрачивают смысла, а напротив, проявляют в каждое последующее время новые качества за счет взаимодействия с культурно-эстетической информацией пространственно-временного континуума читателя.

Именно таким вневременным, потенциально неисчерпаемым и чрезвычайно современным является творчество Ивана Алексеевича Бунина, блестящего стилиста, непревзойденного мастера слова, особенностью мировосприятия и философии которого является его отношение к природе, окружающему миру как источнику сил и вдохновения: «Нет, не пейзаж вле-

чет меня, / Не краски жадный взор подметит, / А то, что в этих красках светит: / Любовь и радость бытия» («Еще и холоден и сыр...») [6].

Хотя язык произведений данного писателя получил достаточно полную интерпретацию в литературе вопроса, тем не менее лексемы, называющие природные явления, системно в метафорико-коннотативном ключе не изучены.

В связи с этим в статье выделяется ряд конкретных задач:

- 1) осуществить анализ коннотативной семантики лексем, называющих атмосферные осадки (*дождь, ливень, снег*);
- 2) рассмотреть сочетаемостные параметры наименований осадков;
- 3) установить авторские приоритеты образных и аксиологических трактовок И. Буниным данных лексем.

Древнейший пласт слов, включающий в себя наименования атмосферных явлений, относится к универсальным категориям концептуальной картины мира, востребован этносом на всех этапах его развития. Он отличается высокой национальной информативностью и уникальной устойчивостью, обусловленностью особенностями исторического развития, а также отнесенностью к определенной климатической зоне.

Данная группа слов рассматривается исследователями как занимающая промежуточное положение между категориями вещи и признака, имеющая смешанный ономаσιологический тип – субстантно-предикатный (вещно-признаковый). Как отмечает А.А. Уфимцева, данные имена обособлены по характеру выражаемого знакового значения, материальный денотат этих слов членим, а идеальный денотат (представление, которое связано с данным именем) недискретен и по своему характеру связан с процессностью и вещественностью [13, с. 124].

Состав анализируемой группы имен формируется за счет лексем, связанных родовидовыми отношениями, родовым словом самого высокого ранга является слово *осадки*, видовыми – *снег, дождь, крупа, иней, роса, изморозь* и др.

Синтагматика лексем *дождь / ливень* в языке произведений И.А. Бунина

Архетипический образ дождя связан со стихией воды, которая олицетворялась в донаучном сознании с женским началом, материнским молоком, «питающим землю и воздух» [4, с. 165–176]. В последующие периоды развития славянской цивилизации стало доминировать представление о дожде как о «мужеском элементе» [14], ассоциирующемся в народном сознании с плодородием, шире – с жизнью, оплодотворением земли высшими богами. Данное явление отождествлялось с мотивом иерогамии неба и земли,

воспринималось как живительная и очистительная сила, имеющая целебное действие, а также наделяющая людей мудростью и даром предвидения [12].

Традиционные представления, опирающиеся на русский фольклор, подвергаются в художественном тексте авторским корректировкам, «ментальный авторский мир» писателя, создаваемый в соответствии с семантическими полями универсума, а также идиоэтническими и культурными константами, накладывает на них дополнительные смысловые пласты.

Ситуативные образы, отражающие специфическое авторское мышление, определяются, как правило, характером сравнительных и сопоставительных конструкций, метафорическим переосмыслением дождя. Дистрибутивные связи с метафоризируемыми глаголами создают традиционную линию ассоциативного сходства по двум направлениям: сходство с живым существом и сходство с другим природным или физическим явлением: *Я страдал, скучал, – как нарочно, дня три шел дождь, мерно бежал, стучал тысячами лапок по крыше, в доме было сумрачно («Темные аллеи»); <...> где-то прокатился гром и крупными звездами зашлепал по пыли и пролетке быстрый, редкий дождь («Три рубля»).*

Как показывает материал исследования, в бунинском дискурсе широко представлены ассоциативные модели по линии антропоморфизации, реализуемые на уровне предикативной сочетаемости лексемы *дождь*, основанной на образно-ассоциативных связях и метафорическом переносе, что стимулирует употребление глаголов, способствующих созданию **антропоморфного образа дождя**, прежде всего движения, действия и воздействия, речевой деятельности, звучания.

Семантика процессуальности, свойственная этим словам, обуславливает их сочетаемость с глаголами движения и перемещения в пространстве. В рамках модели *дождь* + глагол движения в нашем материале отмечены типичные сочетания с глаголами *идти, пойти, пройти, перейти, опуститься, отходить* и др., а также сочетания с глаголами *бежать, пробегать, промчаться, спешить, лететь (на голову)*, маркированными дополнительной семой «очень быстро передвигаться», что направлено на создание экспрессивного фона и на персонификацию дождя: *Стекланный, редкий и ядреный, / С веселым шорохом спеша, / Промчался дождь, и лес зеленый / Затих, прохладю дыша («Перед закатом набежало...»); Порою шумно пробегали / Потоки ливней голубых («Розы»).*

Важно отметить, что в рамках бунинского дискурса данная модель (*дождь* + глагол движения) может реализовывать авторские имплицитные смыслы, указывающие на ностальгию по дореволюционной России: *Прошел дождик. Высоко в небе облако, проглядывает солнце, птицы сладко ще-*

бечут во дворе на ярких желто-зеленых акациях. <...> Вспомнил лесок Поганое – глушь, березняк, трава и цветы по пояс – и как бежал однажды над ним вот такой же дождик, и я дышал этой березовой и полевой, хлебной сладостью и всей, всей прелестью России... («Окаянные дни»).

Восприятие дождя как стихийной силы определяется сочетаемостью данных имен с глаголами действия и воздействия, при этом сочетаемость лексем дождь и ливень с данными глаголами может частично совпадать (лить, залить, обрушиваться, стихать, сечь): *Печально поднят лик Мадонны / В часовне старой. Дождь сечет* <...> («Звезда морей, Мария»); <...> и *хлынул обломный ливень, с яростным гулом секший нас под удары уже беспрерывные* (Жизнь Арсеньева).

В основном при описании процесса отмечается дифференциация признаков дождя и ливня по степени интенсивности их протекания. Так, при лексеме дождь отмечены глаголы, выявляющие денотативные признаки этого природного явления: *накрапывать, моросить, сеять, сыпать* (-ся), *редеть, разойтись, зарядить, припустить, собираться, приниматься*. Также глаголы физического воздействия на объект, способствующие олицетворенному восприятию дождя (*пятнать, захватить, облить, обмывать, поливать, помочить, погнать* (в дом), *туманить*): <...> *апрельский дождик крапывает и пятнит железные листы* <...> («Деревня»); *Когда же обмывал ее весенний дождь и пробуждал норный гром, господь благословлял в тихие звездные ночи расти хлебам и травам* <...> («Эпитафия»).

При лексеме ливень также отмечены глаголы активного физического воздействия, определяющие действия ливня как деятельность с социально полезным результатом (*потушить, залить*), направленные на созидание окружающего мира (*оросить*), либо обозначающие активное проявление действия (*плескаться*): *На тополи лился быстрый ливень, – гроза уже прошла, точно он потушил ее* («Ворон»); *Уже шумел ливень, точно заливая огонь молний* («Дневники (1940–1953)»).

Кроме этого, содержание данных лексем предопределяет употребление глаголов деструктивной семантики, таких, как *опустошить, испортить, испещрить, обезобразить* при лексеме дождь; *хлынуть, свергаться, разразиться, бороздить, сделать* (свое дело), *раскрыть, оборвать, запалить* при лексеме ливень, что имплицитно выявляет качественную характеристику природного явления по признаку «очень сильный» и ведет к метафоризации целого высказывания: *Опустошен поблекший сад дождями* («Голуби»); *Гнилые бури и ливни сделали свое дело, раскрыли лес, дали студеному облачному небу свободно белеть* сквозь него, *оборвали листву и запалили ею, мокрой и ржавой, все овраги* («Ермил»).

Сема «звук», содержащаяся в значении рассматриваемых лексем, реа-

лизуется в сочетаниях со **«звуковыми» глаголами** *шуметь, стрекотать, стрекать, стучать*. При этом качественная характеристика задается во многом позицией обстоятельства образа действия: *Ночью лил дождь, мокро шумело по крыше* («Митина любовь»); <...> *меж тем как по крыше бегло и мерно стучал дождь* («В Париже»); *чаще и гуще стрекал косой дождь в стекла окон и еще жалобнее завывало в печке* <...> («Учитель»).

Ассоциативно-образные субъективные авторские ощущения создаются благодаря сочетаемости с метафорическими предикатами (*шептать, зашептать*), актуализирующими «очеловеченный» звуковой образ: *Совсем стемнело; Тихо зашептался с лесом дождь* (Маленький роман); <...> *по саду шептал мелкий дождик...* (Деревня).

Проекция мифологических представлений как об одушевленном существе способствует сочетаемости лексем *дождь* и *ливень* с глаголами **эмоционально-психологического действия и состояния** (*дождь – волнует, замучил, обманывал; ливень – бушевал, пугает, радует*), выявляя, в первую очередь, авторское восприятие: *В Глотове замучил дождь* («Дневники (7 июля 12 г.)»); *Шипит сад, волнует, шумит дождь* («Дневники (16 авг.)»); *Как эти ливни золотые, / Пугая, радовали нас!* («Перед закатом набежало»).

В создании антропоцентрической модели *капли дождя – слезы* участвует опосредованная валентность, основанная на совпадении семантического окружения компонентов значения (*дождь льет – слезы льются – дождь слез*). Возникает ассоциация с миром чувств: *Дождь шумел и, словно капли слез, / Падал он в холодный снег на землю / С голых сучьев стонущих берез* («Старый сад всю ночь гудел угрюмо...»); <...> *и темный ветер ночи/ Дождем холодных слез его кропил* («Любил он ночи темные в шатре...»); <...> *белые березы/ Роняют тихий дождь своих алмазных слез / И улыбаются сквозь слезы (Как дымкой даль полей закрыв на полчаса...)* – образ падающих капель дождя, уподобленных алмазным слезам, порождает целый комплекс ассоциаций, связанных с блеском, звонкостью, чистотой, красотой, что создает особый экспрессивный фон поэтического текста, вызывающий определённые эмоции у читателя.

Примечательно, что изображение дождя в том или ином аксиологическом ключе зависит от времени года. Так, весенний, летний дождь, как правило, ассоциируется с радостью, весельем, благодатью, осенний – с одиночеством, грустью, тоской: *Иногда шел тот прелестный дождь сквозь солнце, когда зеленые вагоны, обмытые им, блестели, как новенькие* <...> («Зойка и Валерия»); *Погода ужасная, бури, дождь; может быть, с весной, с солнцем станет на душе легче, а пока тоска и страшно одиноко...* («Его высочество»).

Метафорическая валентность, открывая новые свойства и связи явлений, дает толчок к переосмыслению исходной лексемы, появления у нее качественных значений. Интересны случаи обратной соотнесенности, когда дождь осмысливается уже не как название атмосферных осадков, а становится эпитетом, называет признак предмета: *Мелкие кузнечики сухим дождем непрерывно сыплются из подорожника* («Далекое»); <...> *между тем как тысячи воробьев дождем пересыпались с крыши на крышу* («Антоновские блоки»). Метафорическая валентность основана на изменении семантики одного из компонентов, высвечиваются новые, имплицитные смыслы, противоречащие денотативному содержанию (сухой дождь) и ассоциативно сближающие дождь как совокупность мелких частиц и стаю воробьев или рой кузнечиков.

Характерной для Бунина является **опредмечивание** рассматриваемых имен; интерпретация характерных признаков дождя, актуализация его вещественной природы способствует созданию зримого образа дождевых капель в виде корреляций *капли дождя – шляпка гвоздя / иглы / бисер / блестяшки / алмазы / звезды*, основанных на некотором чувственном компоненте смысла слова, передающем архетипическое содержание посредством опоры на наглядно-чувственный образ: форма капель, размер, плотность потока и т.п.: *Вот капля, как шляпка гвоздя, / Упала <...>* («Нет солнца, но светлы пруды...»); *Комната потемнела, ветер летел по этим деревьям, пригнув их свежую зелень, и стекла двери и окон заискрились острыми брызгами мелкого дождя* (Антигона). За счет подобных развернутых именных сочетаний Буниным передается эмоциональное и эстетическое восприятие явления природы.

Мифологические представления о дожде варьируются в соответствии с авторскими установками, объединяющими разные чувственно воспринимаемые аспекты дождя или ливня на уровне предикативных и атрибутивных связей (температурные характеристики, указание на степень проявления процесса, слуховое, зрительное восприятие), что формирует синкретичный образ природного явления, основанный на комплексном восприятии его признаков: <...> *и, сотнями игол / Затоны прудов бороздя, / Сверкающий ливень запрыгал – / И сад зашумел от дождя* («Нет солнца, но светлы пруды...»).

Наблюдения показывают, что предикативные и атрибутивные компоненты, характеризующие лексемы *дождь* или *ливень*, активно используются совместно в пределах одного контекста, составляя единые текстовые фрагменты и представляя описываемое явление во всей полноте, наделяя его комплексом качественных признаков, способностью проявляться с разной степенью интенсивности и возможностью воздействовать на человека или

окружающий мир.

Синтагматика лексемы *снег* в языке произведений И.А. Бунина

Актуализация архетипических значений, указывающих на ассоциации снега со сном, смертью, восходящие к первообразным представлениям славян [3], обуславливает характер синтагматических связей лексемы *снег*.

В пространстве бунинских текстов доминантной при описании снега является тенденция к его **опредмечиванию**, реализуемая на уровне опосредованной сочетаемости, которая основывается на дальних ассоциативных связях. Сближение снега с реалиями предметного мира происходит по линии традиционного представления снега как о снежной массе, покрывающей поверхность земли в зимнее время.

Образ *снег* – **покров, саван**, соотнесенный с фольклорным образом, основанным на древних мифологических представлениях славян о снежном покрове как о постели [3], преломляется сквозь авторское сознание и получает индивидуальную интерпретацию на уровне семантического развертывания контекста, также соотнесенную с мотивом смерти: **Белеет снега мшистая постель, / В сугробах стыннут траурные ели** («Морозное дыхание метели...»).

Конкретизация образа снега – покрова находит выражение в употреблении слов, денотативно и ассоциативно связанных с тканью, изделиями из ткани. Сравнение покрова с тканями предопределено наличием тех или иных свойств снега, в том числе направлено на характеристику поверхности снежного покрова: **Патриархально-царственные ткани – / Снегов и скал продольные ряды – / Лежат, как пестрый талес, на Ливане** («Храм солнца»).

Характеристика снежной поверхности по параметру «свето-цветовой признак» *снег* – **парча / атлас / шелк / бархат**: **Щурясь от ослепительного сверканья на парче снега...** («Учитель»); **Снег гор – как шёлк** («Люцифер»), конкретизирующийся через сравнение с драгоценными металлами, минералами и самоцветами: **снег – малахит / фосфор / слюда / ртуть** и др.: **Золотом блестящий снег** («Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...»); <...> **И фосфором дымится снег** («Мороз»).

Актуализация признака «рассыпчатое, сыпучее вещество», содержащееся в значении лексемы *снег*, осуществляется через такие реалии, как **пух, пудра, мука, пыль, прах, соль, сахар, крупа, зерно** и др.: **... всю ночь густо шли черно-зеленые, в белом сахаре, еловые леса** («Грибок»); **Снег, местами атласный, местами хрупкий, как соль, рассыпчатый и все твердевший от мороза, визжал и хрустел при каждом, самом осторожном шаге** («Игнат»); **То дождь, то град, то снег, как белый пух** («Северная береза»); **Темный ельник снегами, как мехом, / Опушили седые морозы.** («Темный ельник снегами, как мехом...»).

Как видно из примеров, при соотнесении снега с предметным миром автор отдает предпочтение сравнительным конструкциям, позволяющим представить мир природы во всем многообразии его изменений, подчеркнуть непостоянство данного явления.

Что касается **антропоморфных моделей**, они менее характерны для бунинского дискурса при описании снега, тем не менее они привлекаются для передачи как физических свойств снега, так и чувств, охвативших лирического героя или персонажа. В некоторых случаях олицетворенный образ снега создается благодаря семантике глаголов зрительного восприятия (*видеть, глядеть*), речемыслительной деятельности (*звать*), психического воздействия (*обманывать*), а также прилагательных и наречий соответствующей семантики: *На город густо валил дремотными хлопьями тот великопостный снег, что всегда обманывает своей нежной, особенно белой белизной, будто уж совсем близка весна («Жизнь Арсеньева. Юность»); Лишь снег да небо в ночь немую / Глядят из сада при луне? <...> Зовут их горный мир, зовут снегов пустыни («Зимний день в Оберланде»).*

В текстах эмигрантского периода жизни в описаниях снега четко прослеживаются ностальгические нотки, снег, так же, как и дождь ассоциируется в памяти Бунина с покинутой родиной: *Вечером снег, вышли пройтись – как в России («Дневники»).*

Наряду с описанным выше отмечается явление обратной сочетаемости, которая реализуется на уровне переноса свойств снега на другие реалии природы (**цветение деревьев – снег**): *И все душистое тепло этого весеннего рая дремотно и блаженно гудело от пчел и шмелей, зарывавшихся в его медвяный кудрявый снег («Митина любовь»); Вся в снегу, кудрявом, благовоном/ Вся-то ты гудишь блаженным звоном («Старая яблоня»).*

Среди метафорических переносов, основанных на соотнесении снега с миром природы, значимы те, которые являются авторской находкой, они получают авторскую интерпретацию и обновление за счет синтагматической развертки, например, образ *снежные узоры на окне – хризантемы*: *На окне, серебряном от инея, / За ночь хризантемы расцвели <...> И до полдня будут серебристые / Хризантемы на моем окне («На окне, серебряном от инея...»).*

Заключение

На примере рассмотренных лексем и их синтагматического потенциала выяснено, что образная сочетаемость в произведениях И.А. Бунина стимулируется этнокультурными константами русского народа при известной их корреляции с французскими картинами природы.

Показано, что наблюдается слитность и неразрывность состояния природы и чувств, состояний человека при восприятии им таких стихийных явлений, как дождь, ливень, снег. При этом выявлены и аксиологические

кие характеристики этих явлений, слово *ливень* обычно представляется в положительном, очистительном ключе, слово *снег*, сохраняя традиционные отрицательные коннотации, включает положительные, связанные с воспоминаниями о родных местах, родном доме, а также в целом о России.

Образная сочетаемость изучаемых лексем основывается на их двойственном содержании: вещественном и событийном.

Осмысление образной сочетаемости осуществляется в рамках расширенных контекстов с учетом взаимодействия атрибутивных и предикативных блоков.

Синтагматика буинского дискурса – это «художественное чародейство» [5, с. 33–43], базирующееся на ближних и дальних ассоциативных связях, создающих новые образы или обновляющих и обогащающих уже существующие. Авторские приоритеты в образном осмыслении природной лексики представлены в виде антропоморфной направленности и опредмечивания, что повлияло на синтагматические и ассоциативные отношения исследуемых лексем (образы живого существа (человека), «вещный» образ, образ покрова, образ стихии).

Выводы

Природная лексика как элемент образного строя произведений писателя при актуализации авторских значений раздвигает ассоциативно-смысловое поле текстов: в соответствии с творческим замыслом и текстовой системностью могут сближаться далекие при своем узуальном значении лексические единицы. Выявлен стереоскопический эффект смысловой структуры рассмотренных лексем, показывающих уникальность восприятия окружающего мира и одновременно их оценку, который основан на совмещении общезыкового и индивидуально-авторского значений, предметно-логического и эмоционально-оценочного смыслов, статического и динамического компонентов. Все это порождает множество смысловых полей, восприятие которых стимулирует проникновение в русский язык не только на логико-понятийном, но и на коннотативно-образном уровнях.

Литература

1. Андрaмонова Н.А., Усманова Л.А. Синтагматические постулаты Казанской лингвистической школы // Филология и культура. *Philology and Culture*, 2013. № 1 (31). С. 7–11.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Древо жизни, 1982. 754 с.
4. Башляр Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1998. 268 с.

5. *Бондарев Ю., Ларионов А.* В наши дни окаянные (к 125-летию со дня рождения И.А. Бунина) // Слово. 1994. № 9–10. С. 33–43.
6. *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений в 13 томах. М.: Воскресенье. 2006.
7. *Иванова Н.Н.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.): Более 4500 образных слов и выражений. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ООО «Транзикнига», 2004. 666 с.
8. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
9. *Москвин В.П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
10. *Павлович Н.В.* Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы XVIII–XX веков: в 2 т. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС, 2007. 896 с.
11. *Склярская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 150 с.
12. Словарь символов / Под ред. Н. Жюльен. Екатеринбург: Урал LTD, 1999. 500 с.
13. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986. 240 с.
14. *Шенпинг Д.О.* Мифы славянского язычества. М., 1849.
15. *Bickerton D.* Prolegomena to a Linguistic Theory of Metaphor. „Foundations of Language”. V.1969. № 1. P. 34–52.
16. *Black M.* Models and Metaphor. Studies in Language and Philosophy. Ithaca – London, Cornell University Press, 1962. P. 25–47.
17. *Davidson D.* What Metaphors Mean // Critical Inquiry. 1978. № 5. P. 31–47.
18. *George A. Miller.* Images and Models, Similes and Metaphors // Metaphor and Thought, ed. by Andrew Ortony. London: Cambridge University Press, 1979. P. 202–253.
19. *Goodman N.* Metaphor as moonlighting // On Metaphor; ed. by S. Sacks. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1978. P. 175–180.
20. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago; London: University of Chicago Press, 1980. 243 p.
21. *Ricoeur P.* The Metaphorical Process as Cognition, Imagination, and Feeling // Critical Inquiry. 1978. Vol. 5. № 1. P. 143–159.